

Роберт Бойль

Троил и Крессида

Роберт Иванович Бойль

Троил и Крессида

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101121

Аннотация

«Из всех драм Шекспира «Троил и Крессида» послужила предметом наиболее разноречивых толкований. По мнению одних, она порождена тем пессимистическим настроением, которое охватило Шекспира в позднейшие годы жизни. По мнению других – это сатира на античную Грецию, вызванная досадой Шекспира на многих своих современников, увлекавшихся литературой и идеалами древних классиков...»

Роберт Бойль

Троил и Крессида

Из всех драм Шекспира «Троил и Крессида» послужила предметом наиболее разноречивых толкований. По мнению одних, она порождена тем пессимистическим настроением, которое охватило Шекспира в позднейшие годы жизни. По мнению других – это сатира на античную Грецию, вызванная досадой Шекспира на многих своих современников, увлекавшихся литературой и идеалами древних классиков.

Обстоятельства, при которых эта драма впервые появилась отдельным изданием (*in quarto*) в 1609 г., значительно затемняют вопрос о времени, к которому она относится.

«За шесть лет до того, в феврале 1603 г.» – говорит Голиуэль Филиппс в своих «*Outlines of the life of Shakespeare*» – «Робертс, один из издателей Шекспира, пытался получить разрешение для напечатания драмы «Троил и Крессида», которую играла в это время труппа Лорда Камергера. Тот же сюжет был разработан для сцены Деккером и Чэтлем для труппы Лорда Адмирала в 1599 г. Но хотя эти две труппы могли состоять, как и прежде, в дружеских отношениях, все же трудно предположить, чтобы они обменивались своими правами; поэтому разрешение, о котором хлопотал Робертс, едва ли относилось к драме Деккера и Чэтля. Робертс не получил разрешения, и едва ли ему удалось и

впоследствии добиться согласия труппы на задуманную им спекуляцию. Во всяком случае драма «Троил и Крессида» не появлялась в печати до начала 1609 г., когда два других издателя, Бониан и Валли, раздобыли обманным путем рукопись и решились ее напечатать. С целью привлечь покупателей, они имели дерзость заявить в необычном по тому времени предисловии, что пьеса эта никогда до того не появлялась на сцене. Они, по-видимому, даже гордились тем, что хитростью достали рукопись. Но их торжество не долго длилось. Обман был скоро обнаружен, и труппа конечно возбудила преследование против издателей. Потом, однако, труппа вероятно, вошла с издателями в соглашение и, получив плату, взяла назад свой запрет, так как 28-го января издатели получили от Лорда Камергера разрешение печатать драму. Предисловие было совершенно уничтожено, и ложность прежнего заявления о том, что «Троил и Крессида» никогда не появлялась на сцене, подтверждалась новым изданием, где сказано было, что пьеса печатается в том виде, в каком она была играна актерами Его Величества в «Глобусе» – когда, не указано. Уничтоженное потом предисловие не было бы написано, если бы драма входила в репертуар 1608-9 г., и действительно весь тон предисловия говорит против такого предположения».

Прошение Робертса о праве печатания, поданное в феврале 1603 г., доказывает, что действительно существовала драма «Троил и Крессида», которую играла Шекспировская

группа, прежде называвшаяся «Служителями» (Servants) Лорда Камергера, а затем переименованная в «Служителей Короля» (Kings servants) вскоре после вступления Якова II (1603) на престол. Та ли это самая драма, которая дошла до нас в изданиях in-folio и in-quarto? По всей вероятности, она была пересмотрена и расширена до своего теперешнего вида приблизительно, как мы увидим далее, в 1606 г.

В folio 1623 г. она помещена между хрониками и трагедиями¹, но не названа в оглавлении. Первые три страницы 78, 79, 80 нумерованы, остальные не имеют пагинации. Это как бы служит указанием на то, что сначала предполагалось поместить «Троила и Крессида» вслед за «Ромео и Джульеттой», которая заканчивается на страницах 76 и 79; затем следует «Тимон» с 80-й страницы. Наша же драма помещена непосредственно за «Генрихом VIII», и за нею следует «Кориолан», начинающийся с 1-ой страницы. Это указывает на некоторое колебание относительно пьесы со сто-

¹ Шекспир (ранний период): История любви Троила и Крескиды. I акт: сц. 1–9 до 107 стиха: сцена 2-ая, – целиком. III акт: сцена 1-ая и 2-ая – целиком. IV акт: сцена 2, 3, 4-ая – целиком: сцена 4-я, стихи от 1-110. Сцена 5-я: стихи от 27-293, изменены Шекспиром позже. V акт: сцена 3, от ст. 97-112 (первоначальный конец пьесы). Шекспир (позднейший период). История несогласий в греческом лагере: I акт, сц. 3-я, 1-212 и 310–392. II акт, сцена 1-ая, 1-132; сц. 3-я – вся. III акт, сц. 3-я, – целиком. Марстон. История Гектора, I акт, сц. 1-я, 108–119. Сц. 3-я, 213–310. II акт, сц. 1-я, 134–141; сц. 2-я – вся. IV акт, сц. 1-я – вся. Сц. 4-я, 111–150, сц. 5-я – вся (за исключением нескольких стихов первоначальной пьесы пересмотренных Шекспиром). V акт: сц. 1-я – вся, сц. 3-я, 1-96, сц. 4-я – вся и конец пятого акта. По этому разделению Шекспиру принадлежат около 1100 стихов раннего периода и около 740 позднейшего, а Марстону почти 1200 стихов.

роны Юмминга и Конделя, товарищей Шекспира, издателей folio. Указанная выше пагинация дала повод Флэю высказать предположение в своем «Shakespeare Manual» (1878) что «Троил и Крессида» задумана как pendant к «Ромео и Джульетте».

Сидней Ли открыл недавно экземпляр folio 1623 г., который не оставляет сомнений в том, что драма «Троил и Крессида» первоначально должна была следовать за «Ромео и Джульеттой». Как известно, в старинных изданиях часто замечается значительная разница между отдельными экземплярами одной и той же книги, чем и объясняется открытие Сиднея Ли.

Лучший обзор источников нашей драмы сделан в Shakespeare Jahrbuch, т. 6 (1871) профессором В. Герцбергом. Он указывает, что в средние века наиболее авторитетными источниками по истории троянской войны считались рассказы Дареса и Диктиса, выдававших себя за современников греческих и троянских героев; из них первый был родом из Фригии, второй – критянин, товарищ Идоменея. Диктис считался автором истории троянской войны в шести книгах, переведенной с греческого оригинала на латинский язык неким Септимием. Боги, по рассказу Диктиса, не влияли на ход войны, и Троя пала вследствие измены Энея и Антенора. Троил, по этому рассказу, взят в плен и умерщвлен по приказу Ахилла долгое время после смерти Гектора; любовной драмы в рассказе Диктиса нет.

Ввиду стараний многих народов, от римлян до англичан включительно, доказать свое происхождение от троянцев, естественно, что второй из вышеназванных авторов – Дарес, называвший себя фригийцем, возбуждал больше симпатий у читателей, чем кто либо из греческих авторов. Переводчик его выдавал себя за Корнелия Непота и перевод его был посвящен Саллюстием Криспу. Но вероятнее всего, что вся история выдумана мнимым переводчиком не позже 635 г., когда о ней говорит Исидор Севильский, умерший в этом году. По этому рассказу, Троилен становится защитником Трои после смерти Гектора. рассказ в высшей степени вял и бледен, что отчасти объясняется непосильной задачей – охватить весь десятилетний период осады Трои. Автор старается разными способами оживить и ввести в него некоторое разнообразие. Между прочим он пишет портреты, из которых особого внимания заслуживает портрет Бризеиды с её сросшимися бровями – с этого времени сросшиеся брови стали считаться красивыми. Но любовной драмы нет и у Дареса. Она впервые появляется в поэме Бенуа де Сент Мор (More), придворного трубадура Генриха II английского, около 1160 г. В этой поэме, «Histoire de la guerre de Troie», около 30000 стихов. Сент-Мор вносит жизнь в сухой остов Дареса. Действующие лица его поэмы преисполнены рыцарских чувств, среди которых, конечно, не может отсутствовать любовь. Он заимствовал у Дареса образ Бризеиды и сделал ее дочерью Калхаса, которая остается в Трое после того, как

её отец перешел к грекам (он, как и у Шекспира, представлен в поэме троянцем). Трои́л страстно влюблен в нее и она отвечает ему взаимностью. После захвата Антенора, Калхас напоминает греческим вождям об обещанной ему награде, и просит их обменять Антенора на его дочь. Греки на это соглашаются, и в Троию отправляют Диомеда за Бризеидой. Таким образом все основные мотивы любовной интриги в «Троиле и Крессиде» уже имеются в этом раннем произведении.

Было бы слишком долго следить за интересным развитием этого сюжета в течение веков до того, как он вылился в окончательную форму в трагедии Шекспира. Но укажем на одну из важнейших стадий этого развития, на Filostrato Боккачио.

У Боккачио сюжет стал истинно поэтическим и приобрел ту колоритность и психологическую глубину, которая сделала его пригодным для Чоусера и Шекспира. Грizeiда Боккачио поэтический образ его собственной возлюбленной. Она вдова и Трои́л впервые видит ее в трауре в храме Паллады и сразу влюбляется в нее. Она вначале чиста, но становится жертвой хитрого Диомеда и после того быстро и непоправимо падает. Боккачио вводит в свой рассказ Пандара в качестве кузена Грizeiды, способствующего встречам любящих.

Следующей стадией в разработке сюжета была поэма Чоусера «Troilus and Creseyde» в пяти книгах. Она написана около 1372 г. или на 20 лет позже, чем «Филострато» Бок-

качио; точная дата появления «Филострато» не известна, но предполагают, что она написана была около 1350 г. Отношение поэмы Чоусера к Боккачио выяснено Альфонсом Кисснером, который доказывает, что поэма Чоусера вольный перевод – насколько это было возможно – итальянской. Чоусер придал любовной истории Троила и Крессиды окончательную форму, в которой она и перешла к Шекспиру; ничего в ней не было изменено ни Лидгатом, ни Какстоном, разработавшими этот сюжет после Чоусера. рассказом Какстона Шекспир пользовался в драме только поскольку он касается истории Гектора. Что его источником для этой части драмы был именно Какстон, а не Лидгат, как утверждал Делиус, доказано д-ром Смолем (Small) в его «Stage quarrel» (Breslau, Marcus). Он сравнивает имена в прологе и в пятом акте с именами у Лидгата и Какстона и выясняет, что все они взяты у Какстона.

Таким образом, что касается любовной интриги «Троила и Крессиды», то совершенно ясно, что она не имеет ничего общего с классической древностью; сюжет этот – создание средних веков и поэзии трубадуров. У Шекспира не было никакого намерения написать пародию на Гомеровский мир в этой части драмы, и его характеристики греческих героев и Гектора исключают возможность подобной пародии. Шекспир взял готовый сюжет, и теория Ульрици об умышленном пародировании совершенно падает.

«Троил и Крессида» состоит из трех переплетенных меж-

ду собой сюжетов: 1) любовная история Троила и Крессиды; 2) история Улисса; 3) история Гектора или поединка. Хотя до сих пор не возникало сомнений в принадлежности этой драмы Шекспиру, но многие авторитетные критики сомневаются, чтобы декламаторский тон шести сцен (от 4 – 10) V акта мог принадлежать Шекспиру. Ни один из авторитетных критиков новейшего времени не решается утверждать, что вся пьеса целиком, с этими сценами включительно – произведение Шекспира. Флэй в своем «Shakespeare Manual» 1878 г. говорит следующее: «я считаю, что в драме сплетены три сюжета, каждый из которых был разработан отдельно, в иной манере и в другое время, нежели два другие. Первой была написана история Троила и Крессиды на основании Чоусеровской поэмы, затем история вызова Гектора Аяксу, их поединок и убийство Гектора Ахиллом на основании Кактоновских «Трех разрушений Трои». Позже всего написана была история хитрости Улисса, побудившего Ахилла вернуться на поле битвы тем, что против него выступил Аякс. Этот эпизод написан после появления Чапмановского перевода Гомера, из которого заимствован Терсит, главное действующее лицо в этой части драмы. Сидней Ли и д-р Смоль, в исследовании, появившемся в 1899 г., напротив того, считают «Троила и Крессиду» пьесой, написанной сразу в 1602 г. и принадлежащей всецело Шекспиру. В 1900 г. нижеподписавшийся поместил в «Журнале Министерства Народного Просвещения» статью, напечатанную после того в «Englische

Studien», (30 B., Heft 1) за 1901 г., где доказывает, что Флэй был прав, усматривая в драме три различных сюжета. Но он считает только слабые семь сцен пятого акта, написанными другим автором. В вышеупомянутой статье доказывается путем сравнения со стихосложением пьес первого периода, что «Троил и Крессида» в истории любви героя и героини очень близко подходит по языку к «Ромео и Джульетте». Найденный Сиднеем Ли экземпляр folio, по которому видно, что первоначально драма «Троил и Крессида» должна была следовать за «Ромео и Джульеттой», в значительной степени подкрепляет эту догадку, доказывая, что издатели folio полагали, как и Флэй, что «преданная и верная Джульетта» и «лживая, вероломная Крессида» дополняют одна другую. Тщательное рассмотрение имен собственных показало особенность в употреблении слова «*Пium*». В такой форме это слово появляется во всех сценах, касающихся любви Троила и Крескиды. В сценах же, заимствованных у Какстона, видоизменяется в «*Пion*», а в третьем сюжете, в истории Улисса, употребляется только название «Троя». Так как и метрическая форма меняется в трех сюжетах, то самое естественное объяснение разнородности пьесы, заключается в следующем: Шекспир написал около 1594-5 г., вскоре после или до «Ромео и Джульетты», любовную историю Троила и Крескиды. Это была пьеса, существовавшая в 1602 г.; права на печатание её и добивался так тщетно Робертс. Она же упоминается в «*Westward Ho*», пьесе, представленной на Рож-

дестве 1604 г., и, вероятно, известной года за два до того. В «Westward Ho» (A. V, сд. 3) говорится: «этому нельзя помочь, почтенный Троил, и мне столь же грустно, что вы сегодня будете лишены вашей лживой Крессиды, потому что здесь нет сэра Пандара, который провел бы вас в вашу комнату.» Это место доказывает, что драма «Троил и Крессиды» в первоначальной форме была хорошо известна около 1604 г. Но ни в одной пьесе до 1609 г. нет какого либо намека на другие части содержания драмы, кроме любовного эпизода. В той части, которую мы назвали историей Гектора, есть несомненный намек на книгу Бэкона, «Advancement of Learning» (книга V), изданную в 1605 году. Из намека явствует, что эта часть была присоединена к любовной истории не ранее конца 1605 или в 1606 г. Около того же времени, или во всяком случае не многим позже, как это доказывается особенностями стихосложения, Шекспир начал пересмотр драмы. Он прибавил историю Улисса, т. е. историю несогласий в греческом лагере к любовной интриге, но эта переработка обрывается с концом третьего акта. Мы должны поэтому предположить, что Шекспир отложил пьесу, и его труппа поручила другому драматургу закончить ее. Тот прибавил к законченной уже истории Троила и Улисса историю вызова, посланного Гектором. Эта третья история была по всей вероятности написана современником Шекспира, Марстоном. Она имеет все особенности стиля и стиха Марстона, как доказывает тщательная сверка с известными его драма-

ми.

Эта догадка, подтверждаемая очевидными доказательствами, объясняет необъяснимую ничем другим разнородность состава драмы. Что семь сцен пятого акта принадлежат другому автору – все допускают. Но стиль этих семи сцен такой же, как и во всей истории Гектора, так что отсюда следует, что автор семи сцен также автор истории Гектора. Много данных говорят за то, что этот автор – Марстон. Ни один писатель того времени не был так склонен, как Марстон, к декламации, которая является наиболее характерной чертой «Троила и Крессиды». Это может быть доказано сравнением его «Parasitaster»'а с тем, что мы приписываем ему в нашей драме. Есть поразительные совпадения в мыслях и выражениях между нашей драмой и «Parasitaster»'ом; вот почему наиболее простое и естественное объяснение этого факта заключается в предположении, что товарищи Шекспира поручили Марстону закончить пьесу, отложенную Шекспиром. Наша догадка, объясняющая, почему актеры-издатели folio 1623 года сначала затруднились включить «Троила и Крессиду» (как это явствует из отсутствия пагинации в печатном тексте) и объясняющая также их колебания относительно порядка её помещения, сильно подтверждается и несомненным несходством стиха в трех частях драмы. Но главное подтверждение – в характеристиках действующих лиц. Участники любовной драмы написаны совершенно в манере ранних пьес Шекспира. Они относятся к эпохе «Ромео и

Джульетты», «Двух веронцев» и «Венецианского купца». К тому же, лица, действующие в этой части, не появляются ни в одной из двух остальных, а герои истории Гектора появляются только в сцене прихода троянцев в греческий лагерь. Наконец, история Улисса резко отличается от двух остальных частей драмы и относится вполне к периоду великих трагедий. Эта часть тесно связана с «Королем Лиром» в изображении чувств. Многое из того, что говорит Эдгар в «Лире», повторяется Улиссом в нашей драме. В особенности протест против астрологических и иных суеверий и рационалистическое понимание жизни роднит эти два лица между собою и поражает читателя, как проявление одних и тех же философских взглядов на жизнь. Подробный анализ психологии главных действующих лиц нашей драмы подтверждает истину сказанного нами. Правдивый, верный Троил вполне напоминает верного и постоянного Валентина из «Двух веронцев». Его правдивость и постоянство выдвинуты с такой же яркостью, как те же черты у Валентина, и тем же самым способом – т. е. при помощи контрастов. Валентин противопоставляется Протею, Троил Крессиде. Чувственность, сильно подчеркнутая в характере Троила, отсутствует у Валентина, но это черта, свойственная большинству героев драм первого периода и проявляется даже в самой поздней из пьес первого периода – «Венецианском купце» в лице Бассанио (А. I, сц. 2.)

Есть некоторая неотесанность в Валентине, которая про-

является наиболее ясно в его писании тяжелых стихов Сильвии, (А. III, сц. 1), а также в том, как он ошибается относительно Сильвии, характер которой ему становится понятным только после разъяснения Спида во 2-м акте (сц. I). Эта черта соответствует открытости и искренности характера Валентина. Троил проявляет свою несветскость в предостережении Крессиде (А. IV, сц. 3).

У юных греков много
Достоинств. Знай – они любезны, щедро
Наделены дарами как природы,
Возвышенной искусством, так и долгим
Заботливым, изящным воспитаньем.
Меня страшить, – какое впечатленье
Произведут и новизна и прелесть
Их личностей на бедную Крессида?
Увы – предчувствие, как злая гидра,
Мне не дает покоя.

Оба они, очевидно, созданы по одному образцу и относятся к одному и тому же периоду творческой жизни поэта. Единственный раз, когда Троил появляется в позднейшей части пьесы – это сцена, в которой Улисс убеждает его в предательстве Крессиды. В этой сцене он только яростно негодует на её измену (конец IV и начало V акта). Очень трудно определить, кому принадлежит эта сцена; по всей вероятности, в ней принимали участие оба автора. Отчасти она про-

изводит впечатление юношеского творчества, отчасти относится к более зрелому периоду. Во всяком случае она ничего не прибавляет к характеристике Троила, вполне законченной в предыдущих актах. В ней Шекспир почти не уклоняется от изложения Чоусера. В изображении Крессиды он значительно отступает от характеристики Чоусера, рисуя ее в привлекательном виде даже после её падения. Шекспир, напротив того, безжалостно раскрывает её природную порочность. В любовной драме она представлена ловкой кокеткой и грубочувственной натурой. В IV акте (сц. 5), написанной отчасти Шекспиром, отчасти Марстоном, Улисс дает её точную характеристику, завершающуюся словами:

Я знаю их, бесстыжих, что способны
То предлагать, чего у них не просит
Пока никто, и записную книжку,
Куда в разброд занесены их мысли,
Открыть пред каждым, кто читать умеет.
Как грязные случайности отрепья,
Как дочерей разгула, все должны бы
Их презирать...

Это совершенно соответствует широкому знанию людей и жизни, которое Шекспир приписывает Улиссу, что побуждает меня приписать приведенное место Шекспиру, несмотря на то, что оно написано рифмованными стихами. Последний раз Крессида появляется во 2-й сцене V-го акта, где она

выражает некоторое сожаление о том, что покинула Троила, но в то же время высказывает твердую решимость остаться при своем втором избраннике. Шекспировский Пандар еще более далек от Чоусеровского образца, чем Крессида. Он все более и более нравственно падает по мере развития действия, и в конце драмы становится профессиональным сводником – таким, что его имя стало нарицательным для человека, занимающегося этим ремеслом. В folio 1623 г. мы находим в его словах, обращенных к Троилу доказательство, что первоначальная драма, т. е. история Троила и Крессиды, заканчивалась на 3-й сцене V акта:

Входит Пандар.

Пандар. Слышишь ли, принц, слышишь?

Троил. Что такое?

Пандар. Письмо от бедняжки Крессиды. (Передает свиток).

Троил. Прочтем.

Пандар. Ах, эта шукурина дочь, чахотка. Как она, шукурина дочь, мучит меня, а не менее её мучат нелепые неудачи этой девчонки. По той ли, или другой причине, а мне придется на днях распрощаться со всеми вами. Потом глаза у меня слезятся; а ломота в костях доходит до того, что, не умею я ругаться да богохульствовать, право, не знал бы, что на это сказать или подумать. (Троилу). Что она пишет?

Троил.

Слова, слова, одни слова пустые, –
И ничего, что трогало бы сердце;
Другому отдано, как видно, чувство.
(Разрывает письмо и бросает вверх клочки).
Лети ж, лети на ветер и по воле
Его кружись, вертись и изменяйся...
Да, мной она безжалостно играет.
Другого же любовью награждает.

Это все есть во всех изданиях. Но в folio прибавлено еще следующее:

Пандар. Нет, выслушайте раньше...

Троил. Убирайся, братец-прислужник, низость и позор отныне пусть преследуют тебя всю твою жизнь и живи навсегда с таким именем. (Hence brother lackie, ignomie and shame pursue thy life and live aye with thy name).

Это первоначальное заключение пьесы было исправлено Марстоном. Если сравнить теперешнее окончание с прежним, то самым важным изменением является перемена стиха: «Hence, broker, lackie, ignomy and shame».

Замена слова «brother» другим, «broker», допускает предположение, что Марстон имел в руках экземпляр первоначальной пьесы и заметил искажение, вкравшееся в текст.

Из других лиц, относящихся к любовной драме ни одно не представляет чего либо выдающегося.

Из действующих лиц, вставленных Шекспиром в драму при пересмотре её, наиболее значительное и характерное – Улисс. Основная черта его, как сказано выше, большая жизненная мудрость и знание людей. Но мудрость Улисса не будит в нем любви к людям. Напротив того, он пользуется ею главным образом для преследуемых им целей. В этом отношении, как и в своей жизненной философии, он представляет большое сходство с другим лицом из «Короля Лира» Эдмундом. Но он пользуется людьми не для своей личной выгоды, а в интересах дела, которому посвятил себя. Он стоит по-уму выше всех остальных греков, даже выше Нестора, который читает Крессида только «смышленной женщиной». Нестор и Агамемнон, не говоря о Менелее и остальных, ступенькаются перед выдающимся умом Улисса.

Стоит задуматься над тем, почему Ахилл выставлен Шекспиром в таком несимпатичном виде. Ульрици видит в этом подтверждение своего предположения, что драма задумана как пародия. Но, как уже указано, не следует забывать, что греческий герой почерпнут не из греческого источника, а из произведения средних веков, когда принято было низводить все греческое и восхвалять троянцев. Единственное лицо, навеянное Илиадой, – Терсит. Только семь песен Илиады, и то не в последовательном порядке, появились по-английски, когда написана была наша драма. Но Терсит только

намечен Гомером; в драме же он низведен до глубин падения и стоит на одной ступени с Пандаром. Он так же ненавидит и презирает людей, как Тимон Афинский, но в нем нет величия Тимона. В руках Марстона, в IV и V актах, Терсит в значительной степени утрачивает свой ум и становится отвлеченным. Это особенность всех действующих лиц этой драмы, намеченных Шекспиром и разработанных Марстоном. Гектор отличается скромностью в замысле Шекспира, но при встрече с Ахиллом он соперничает с ним в напыщенности и ярости. Напыщенность – особенность всех характеров Марстона, как я выяснил в статье о «Троиле и Крессиде» в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (ноябрь, 1900 г.), где собран обширный материал для сравнения известных пьес Марстона с приписываемыми ему здесь сценами в драме Шекспира. Не только Гектор и Ахилл, но Диомед, Эней, и даже мудрый Нестор обнаруживает склонность к напыщенности (А. V, сц. 5). Улисс тоже не чужд этой черты, и в той же сцене (стихи 30–42) есть много следов её. Правда, он говорит об Ахилле, а не о себе, как другие, но тон, все таки, остается напыщенным.

И именно это ослабление пьесы к концу и не позволяет допустить, чтобы Шекспир был ответственен за её напыщенность. Даже убежденные поклонники поэта охотно допускали, что последние семь сцен не им написаны. Но кто точно проследит за развитием характеров и сравнит их между собой в пятом акте и в части, приписываемой Марстону в

предшествующих актах, убедится, что та же напыщенность, которая портит последнее действие, искажает их и в предшествующих. Для того, чтобы помочь всякому, кто займется таким исследованием, я даю таблицу с разделением драмы на то, что написано Шекспиром раньше, на то, что написано им позже и на то, что принадлежит Марстону. Такая таблица, конечно только приблизительно соответствует действительности. Но и в таком виде она может помочь разобраться в этой, самой запутанной по составу, драме Шекспира¹).

Нельзя также точно установить относительно Марстона, как относительно Бомонта, Флетчера, Джонсона и других, что актеры королевской труппы приглашали его писать для своего театра. Но однако факт, что Вилькинс написал 1-ый и 2-ой акты «Перикла», хотя тоже нельзя доказать, что он когда либо был приглашен писать для этого театра. В таких случаях нельзя добиваться несомненных доказательств и нужно ограничиваться наиболее вероятными предположениями.